

На соседнем огороде появился кто-то ещё. Должно быть, они с Цзян Сяои в хороших отношениях, потому что издали поздоровались. Увидев, что медвежонок умеет собирать овощи, женщина очень удивилась, замерла на мгновение, а потом, придя в себя, подошла ближе и, забыв про свои овощи, уставилась на Бай Цзыму.

Выглядела она так, будто увидела диковинку.

Бай Цзыму не смел и слова сказать. Он бросил овощи и спрятался за спину Цзян Сяои, вцепившись лапами в его одежду.

У Цзян Сяои потеплело на душе. Он незаметно подвинулся, заслоня медвежонок от взгляда женщины.

— Тётушка, тоже за овощами пришли?

— Да, — ответила женщина. — Возьму пару кочанов капусты. Твой дядя сегодня в деревню Люцзян ходил, купил фунт тофу. Сварю вместе с капустой.

Их огороды были рядом. Женщина выбрала два больших кочана и, не торопясь уходить, принялась обрывать старые листья.

— Сяоэру лучше? Мы тут были заняты, всё никак не могли зайти поведать.

В тот день, когда Цзян Сяоэр вернулся из города, эта тётушка послала свою дочь с двумя яйцами. Цзян Сяои это знал.

— Уже лучше, спасибо, тётушка, за яйца, — улыбнулся он.

— Да что там, всего два яйца, — хоть она и говорила так, но для крестьян два яйца — это ценность. Обычно их жалели есть, копили и продавали в городе.

Тётушка внимательно осматривала листья капусты на наличие гусениц, но и языком молоть не забывала.

— В деревне любят почесать языками. Ты впредь, если что услышишь, не принимай близко к сердцу. Пусть говорят, что хотят. Чем больше ты обращаешь внимания, тем им интереснее.

У Цзян Сяои потеплело на душе.

— Понял.

— Семья Лю поступила нехорошо. Они богаты, нас не боятся, никого не боятся, вот и говорят что попало, — тётушка огляделась по сторонам и, увидев, что никого нет, положила сорванные овощи в корзину. Старые листья она не выбросила, их можно было отдать курам. Взяв их в руки, она подошла поближе и сказала:

— Эту историю везде разнесла старуха Сунь. Твой отец, узнав об этом, несколько дней назад ходил к ним разбираться.

Об этом Цзян Сяои и не знал. Тётушка продолжила:

— Когда он разбирался, из дома вышла эта Цзюаньцзы и начала поддакивать. Твой отец сказал ей пару слов, так она в слёзы.

Тётушка, вспоминая недоверчивое выражение лица Цзюаньцзы, рассмеялась.

Цзюаньцзы была хороша собой. Мужчины в деревне, и старые и молодые, разговаривая с ней, старались быть обходительными, говорили тихо, боясь обидеть. Но в тот день, едва она вышла из дома и сказала пару слов, как отец Цзян указал на неё и велел убираться, иначе и ей достанется.

Цзюаньцзы замерла на мгновение, не ожидая, что он так с ней обойдётся. Раньше, куда бы она ни пошла, мужчины наперебой бросались к ней с комплиментами и лестью. Такого с ней ещё не случалось. Не выдержав, она тут же расплакалась, прикрыла лицо платком и убежала обратно в дом.

Тётушка рассказывала это очень живо, и Цзян Сяои тоже рассмеялся.

— Вот такие у нас в деревне люди, любят посудачить. Иногда говорят обидные вещи, но зла не держат, — сказала тётушка. — Супруг Ли ведь в прошлый раз толкнул Сяосаня? Наверное, совесть замучила. На днях, когда Сяосань ходил к подножию горы за хворостом, я видела, как он стоял рядом с огурцом в руке. Наверное, хотел отдать Сяосаню, но тот, видимо, его боится, увидел и сразу убежал. Так и не отдал. Если он в следующий раз заговорит с тобой, ответь ему. Всё-таки в одной деревне живём, постоянно видимся.

В деревне так и было. Повседневные ссоры из-за пустяков случались, но мало кто затаивал обиду и переставал общаться, разве что ссора была очень серьёзной. Лучше помириться, чем враждовать.

— Я понял, — кивнул Цзян Сяои.

Тётушка отряхнула грязь с корзины и улыбнулась.

— Я всегда знала, что ты парень разумный. Не стоило мне и говорить. Но с возрастом становишься болтливой. Ладно, не буду тебе мешать, мне ещё домой идти, готовить ужин для дяди.

— Всего доброго, тётушка.

Дождавшись, пока женщина уйдёт, Цзян Сяои набрал полную корзину овощей и, обняв Бай Цзыму, пошёл домой.

По дороге Бай Цзыму напомнил ему:

— О том, что я умею говорить, не говори этим двум сорванцам.

Цзян Сяои, конечно, понимал это. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань были ещё маленькими и не умели хранить секреты. Если бы они узнали и случайно проболтались, это могло бы привести к неприятностям. Вызвать панику — это ещё полбеды, но если Бай Цзыму схватят и сожгут, это будет совсем плохо. В конце концов, не все в деревне такие смелые, как он.

Вернувшись домой, он обнаружил, что Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань ещё не вернулись. Цзян Сяои поставил овощи и, набрав полмиски риса, начал его промывать.

Бай Цзыму был озадачен.

— Всего полмиски риса варишь? Хватит?

Миска, которой ели в семье Цзян, была небольшой. Полмиски — это всего две горсти. Если сварить, то и Цзян Сяосаню одному не хватит.

— Хватит, — Цзян Сяои высыпал рис в котёл, добавил четыре половника воды. — Я варю кашу с капустой, много риса не нужно.

Судя по всему, риса опять будет мало, а овощей — много.

— А почему не сварить просто рис? — спросил Бай Цзыму. — У тебя же его много.

Цзян Сяои повернулся к нему.

— Это же белый рис.

И что? Белый рис нельзя есть много?

Видя недоумение на лице Бай Цзыму, Цзян Сяои объяснил:

— Его можно продать. В этом мешке тридцать цзиней. Если всё продать, можно выручить двести с лишним, почти триста вэней.

Ему было жалко его есть. Если обменять на деньги и купить простой рис, то можно купить восемьдесят-девять цзиней, которых хватит на несколько месяцев.

Бай Цзыму ошеломлённо слушал.

— У меня ещё есть, — сказал он. — Свари что-нибудь получше, накорми... брата своего.

Цзян Сяои было неловко брать вещи Бай Цзыму, но раз уж тот сам предложил, он, подумав, согласился.

Он набрал ещё две миски риса, промыл их и высыпал в большой железный котёл. Воды было много, он отчерпнул три половника. Потом опустил в котёл указательный палец — вода покрывала одну фалангу.

Отлично. Так рис получится в самый раз, не сухим и не влажным.

Он накрыл котёл крышкой и принялся мыть овощи. Бай Цзыму вернулся в комнату совершенствоваться.

Пока он мыл овощи, солнце уже почти село, окрасив небо в оранжевый цвет. Цзян Сяои выглянул во двор. Обычно Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань не задерживались так долго. К времени ужина они всегда возвращались, чтобы помочь. А сегодня их всё ещё не было.

Цзян Сяои забеспокоился и решил, помыв овощи, сходить в дом старшей ветви семьи. Как раз в этот момент снаружи слышались голоса.

— Младший брат, ты не устал?

— Не устал, у Сяосаня много сил. Ой-ой, второй брат, у меня сопли в рот текут, что делать?

— Не двигайся, второй брат тебе вытрет.

Цзян Сяои вышел посмотреть. Цзян Сяоэр вытирал Цзян Сяосаню нос. Рука у него была грязная, и он, присев у дороги, вытер её о траву. А Цзян Сяосань, пыхтя, тащил домой бамбуковый ствол длиной больше метра и толщиной с миску.

Бамбук был большим и тяжёлым. Цзян Сяосань дышал как паровоз, весь лоб был в поту.

Цзян Сяои поспешно забрал у него бамбук. Тот был тяжёлым.

— Откуда бамбук?

Цзян Сяосань уже убежал на кухню пить воду.

— Мы срубили его за домом старшего дяди, — ответил Цзян Сяоэр, обнимая ногу Цзян Сяои.

За двором старшей ветви семьи в прошлом году посадили немного бамбука. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, возвращаясь короткой дорогой, проходили мимо. Цзян Сяоэр увидел, что среди бамбука вырос большой зимний побег, и захотел принести его для Мишки. Он спросил разрешения у старшего дяди. Тот сказал, бери. Он посадил бамбук, потому что за домом был пустой участок земли с камнями, овощи там не росли, а оставлять землю пустой было жалко. Он думал, что потом можно будет рубить бамбук и плести корзины и циновки.

Этот побег рос уже два дня и стал слишком старым для еды. Раз Цзян Сяоэр хочет, он, конечно, отдал. Цзян Сяосань хотел одолжить у него нож, но дядя, видя, какой он маленький, побоялся, что тот поранится, и срубил бамбук сам. Цзян Сяосань в одиночку потащил его домой.

Он был сильным, а бамбук весил всего около двадцати цзиней, так что это было не так уж и тяжело. Но он был не очень сообразительным. Вместо того чтобы сначала принести бамбук домой, он тащился с ним всю дорогу, сопровождая Цзян Сяоэра, и потратил на это почти полчаса.

Он ужасно устал.

Цзян Сяои не знал, ест ли Бай Цзыму такой бамбук, и пошёл в комнату спросить.

Конечно, ест.

Побег был большим и очень понравился Бай Цзыму. Но он сам был сейчас маленьким, а бамбук — слишком высоким. Как ни крути, есть было неудобно. Цзян Сяои, видя его мучения, помог ему очистить побег, разрубил его на части и сложил в корзину.

Бай Цзыму показал ему большой палец.

Цзян Сяоэр, подперев щёки руками, смотрел на Бай Цзыму.

— Мишка, вкусно?

Бай Цзыму кивнул. Лицо Цзян Сяосаня всё ещё было красным. Выпив миску воды, он словно подзарядился, ожил и теперь бегал вокруг Бай Цзыму.

— Мишке нравится, тогда завтра Сяосань ещё тебе срубит.

— Но у старшего дяди, кажется, больше нет побегов, — с сомнением сказал Цзян Сяоэр.

— Да, что же делать? — Цзян Сяосань нахмурил свои маленькие бровки, выглядя очень озадаченным.

На горе бамбук был, но это далеко. Старший брат и отец не разрешали ему ходить в горы.

Что же делать?

Цзян Сяосань почесал голову, выглядя совершенно растерянным.

— Брат срубит для Мишки, — рассмеялся Цзян Сяои. — Ты в горы не бегай, а то волк утащит, за задницу укусит.

Так не пойдёт!

Цзян Сяосань тут же прикрыл свою маленькую задницу и, наморщив носик, сказал:

— Не укусит, не укусит, Сяосань не будет бегать, Сяосань самый послушный.

Цзян Сяои рассмеялся, достал пряные полоски и, едва открыв упаковку, распространил ароматный, пряный запах.

Цзян Сяосань сглотнул, его глаза заблестели.

— Брат, что это?

Цзян Сяоэр тоже подошёл, сгорая от любопытства.

— Пряные полоски, очень вкусные, — Цзян Сяои достал два ломтика. Цзян Сяоэр был слаб здоровьем, но старый доктор не говорил, что ему нельзя острое. К тому же, эти пряные полоски были жирными, и Цзян Сяои подсознательно решил, что это хорошая еда.

Бай Цзыму, когда только покинул горы, тратил большую часть своей зарплаты на пряные полоски и торты. Он ел их почти десять лет, и те, что он запасал, были, конечно, самыми вкусными.

Такая пачка в супермаркете стоила девять юаней девяносто фэней, и в ней было всего шесть ломтиков. Хотя и дорого, но вкус был отменный. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, откусив по кусочку, вытаращили глаза, словно съели волшебную пилюлю и были потрясены.

— Ух ты!

— Вкусно? — улыбнулся Цзян Сяои.

Два малыша отчаянно закивали.

— Вкусно, очень вкусно. Брат, эти пряные полоски вкуснее мяса. Ароматные и острые.

Цзян Сяосань раньше считал мясо самой вкусной едой на свете, но теперь, попробовав пряные полоски, словно открыл для себя новый мир.

Цзян Сяоэр протянул пряную полоску Цзян Сяои.

— Брат уже ел, ты ешь, — покачал головой Цзян Сяои. — И отцу не оставляй, у брата ещё есть.

— А Мишка будет есть? — спросил Цзян Сяосань, указывая на Бай Цзыму.

Цзян Сяои вспомнил фразу Бай Цзыму «медведь должен быть медведем» и улыбнулся.

— Он тоже не ест.

— О.

Два малыша тоже могли есть острое. Получив лакомство, они обрадовались, взяли за руки и сели на порог. Видимо, не хотели съедать всё сразу, они отрывали от полосок тонкие ниточки и ели маленькими кусочками, щурясь от удовольствия.

Цзян Сяои убрал пряные полоски и снова пошёл на кухню. Бай Цзыму, наевшись до полусыти, последовал за ним. Но, подойдя к двери, он увидел, как Цзян Сяои бросил в котёл овощи, а затем добавил туда ломтик пряной полоски и две капли острого масла. Именно две. Словно лишняя капля могла их убить. Добавив вторую каплю, он поспешно убрал пакет с пряными полосками и накрыл котёл крышкой.

Бай Цзыму: «...»

Это было просто гениально.

Он столько лет вращался в обществе, чего только не видел. Но чтобы кто-то варил овощи с пряными полосками — такого он ещё не встречал.

Отец Цзян вернулся с гор только затемно. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, зная, что на ужин будет белый рис, всё время торчали на кухне. Едва отец Цзян вернулся, Цзян Сяосань принялся суетиться: принёс ему стул, налил воды для мытья рук.

— Отец, быстрее мойся, мойся хорошо, будем ужинать.

— Наш Сяосань проголодался? — не зная ничего, сказал отец Цзян. — Тогда отец быстрее, Сяосань, иди внутрь, отец сейчас придёт.

— Хорошо, отец, быстрее! — Цзян Сяосань, подпрыгивая, побежал на кухню, залез на стул и послушно сел.

Цзян Сяои налил четыре миски риса. В центре стола стояла миска с овощами.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань ели белый рис всего один раз. В тот раз его нашёл Цзян Сяосань, совсем немного. Цзян Сяои сварил им кашу. Тогда у них было немного свиного жира, и Цзян Сяои добавил им в миски по маленькому кусочку. Было очень ароматно, и два малыша до сих пор вспоминали тот вкус.

Сейчас, глядя на белый рис, они не переставая сглатывали слюну.

Войдя в дом, отец Цзян замер.

— Откуда белый рис?

Цзян Сяои инстинктивно взглянул на Бай Цзыму и виновато сказал:

— Купил в городе.

Услышав это, отец Цзян чуть не упал. Он подумал, что Цзян Сяои решил перестать экономить.

— Отец... — Цзян Сяои поддержал его.

— Сяои, — отец Цзян схватил его за руку и сказал с глубокой тоской в голосе. — Не делай так. Семья Лю не согласилась, мы найдём другую. А если не найдём, ничего страшного. Отец будет заботиться о тебе всю жизнь.

Цзян Сяои: «...»

Цзян Сяои был находчив и тут же начал врать, не моргнув глазом:

— Отец, ты о чём? Я купил его в зерновой лавке Чжао. Этот рис промок под дождём и заплесневел, поэтому его продавали дёшево, всего по одному вэню за цзинь.

Такое ещё может быть?

Если бы это была любая другая лавка, отец Цзян бы не поверил. Белый рис был дорогим! Даже если он заплесневел, его можно было промыть, высушить и смешать с новым рисом, кто бы заметил?

Рис в миске не выглядел чёрным, а наоборот, пах ароматно. Плесень, видимо, была несильной, просто вкус мог быть похуже. Но если цена ниже на один-два вэня, то многие бы бросились покупать. В наше время люди и так голодают, не до вкуса, лишь бы наестся.

Но хозяин зерновой лавки Чжао был человеком хорошим. Его лавка уже несколько лет не поднимала цены. На праздники они варили жидкую кашу и раздавали бесплатно. И «Зал Цзиши» тоже принадлежал семье Чжао, там иногда проводили бесплатные осмотры, а лекарства продавали дешевле, чем в других лавках.

Отец Цзян в своё время долго расспрашивал, прежде чем отвести Цзян Сяоэра в Зал Цзиши. Раньше он с Цзян Сяои даже получал рисовую кашу у лавки Чжао. Поэтому, когда Цзян Сяои так сказал, отец Цзян не усомнился.

Он придвинул стул и сел. Услышав, что сегодня в лавке Чжао продавали сто цзиней заплесневелого риса и Цзян Сяои удалось урвать тридцать, он рассмеялся.

— Я же говорил, что ты у меня везучий.

Цзян Сяои, видя, что тот поверил, вздохнул с облегчением.

Белый рис был, конечно, вкусным. А овощи с добавлением пряной полоски приобрели новый вкус и были вкуснее обычного.

Цзян Сяосань ел с шумом, уплетая рис со скоростью тигра.

— Ешь помедленнее, — Цзян Сяои положил ему в миску палочку овощей.

Цзян Сяосань поднял голову от миски, на его губах прилипло два зёрнышка риса, что выглядело забавно и мило.

— Спасибо, брат. Белый рис такой вкусный. Брат, ты тоже ешь быстрее.

Ужин прошёл на удивление сытно. Цзян Сяои впервые за долгое время наелся досыта.

Перед ужином он нагрел воду. Немного отдохнув, он позвал двух малышей в дом мыться.

Цзян Сяоэр, вымывшись, всё ещё хотел играть. Цзян Сяои отнёс его в дом и, увидев лежащего на кровати Бай Цзыму, на мгновение замялся.

Он всегда помнил добро и умел быть благодарным. Если кто-то давал ему яйцо, он в ответ думал, как бы отблагодарить овощами. Бай Цзыму дал ему рис и пряные полоски. Эти вещи были ценными. Не говоря уже о пряных полосках, один только мешок риса стоил немалых денег. Готовя ужин, он ломал голову, как его отблагодарить.

Бай Цзыму не ел овощи, а ничего ценного в доме не было.

Но он, кажется, был очень чистоплотным, всё время просил его помыть...

Глаза Цзян Сяои загорелись. Он подошёл к кровати и ткнул Бай Цзыму.

— Хочешь помыться?

Бай Цзыму почувствовал, будто с неба свалился большой пирог и оглушил его. Этот гэ'эр раньше мыл его раз в три дня. Недавно только мыл, а сегодня снова спрашивает. Что за щедрость? Совесть проснулась?

Нельзя упускать такой шанс.

Бай Цзыму тут же закивал и, боясь, что тот передумает, бросился к нему, обнял за ногу и поторопился.

Цзян Сяои поднял его и понёс на кухню.

В жаркий день искупаться в холодной воде — что может быть лучше? К тому же, Цзян Сяои мыл его очень умело: вода не попадала в глаза, а сила нажима была в самый раз. Бай Цзыму был в восторге. Он опёрся о край таза и наслаждался, как вдруг рука, которая тёрла ему спину,

медленно соскользнула вниз, а затем, сделав поворот, остановилась между его ног и принялась изучать то слева, то справа.

Бай Цзыму: «...»

<http://bllate.org/book/13701/1587240>